

Святослав Борисович Михня

* * *

Не замечая круговерть
часов, брожу я,
незримо впитываю смерть -
пока чужую,
поскольку сам ещё терплю,
смотрю и вижу:
жизнь устремляется к нулю,
к зиме поближе.
С двойною рамою окно
моё открыто.
Небес холодных полотно
дождем омыто;
он коготками по зонту
скребётся дерзко,
а ветер ветви в высоту
кидает резко.
Там вечных облачных снегов
застыла пена,
исчезнет след любых шагов
в ней постепенно.
Бесследна череда времён,
бесследно чудо,
чей смысл недопрояснён
кивком оттуда.
Как будто кто-то жизнь послал
письмом в конверте
мне, чтобы я не забывал
её по смерти.

* * *

Все та же зелень за окном.
Листва заглядывает в дом.
Кто на нее привык смотреть -
успел уйти иль умереть,
что значит в сущности одно
для листьев, рвущихся в окно -
напрасно, ибо нет и нет
его на свете много лет.
Он дом оставил навсегда.
Как прежде, тянется сюда
древесная сырая кисть,
и выступи и проявись
среди жилок каждого листа
его глаза, его уста,
черты лица и облик весь -
все было бы так кстати здесь,

в застывшей комнатной тиши,
где длится жизнь его души.

* * *

“Dum spiro spero”, - он сказал.
Шаги направил на вокзал.
Себя бестрепетно и гордо
от прежней жизни отвязал.
Куда он? Здесь его родня.
Бескрайний день зовет, пьяня.
И он на свет идет упорно,
теряясь на ладони дня.
И каплей влившись в суету,
маяча точкой на свету,
он, эту жизнь свою утратив,
возможно, вновь найдет не ту.
И пусть. И пусть случаен путь.
Судьба, откуда ни взглянуть,
не так, так эдак - все нелепа,
и хочется не быть, уснуть.
Быть может, вправду все равно -
взлететь ли в высь, упасть на дно.
Все примелькается и станет
так безразлично, как в кино.
Но, право, лучше самому
писать сценарий, чем кому-
нибудь - тебе. И жить, хоть глупо,
зато по своему уму.
...А после - плыть в надзвездной мгле.
Покуда шея не в петле,
петлять и падать, подниматься
и вновь метаться на земле.

* * *

На ночь глядя разбойничья братия
собирается. Рукопожатия.
Я назвал бы любого врагом.
Но болит голова о другом.
Кто выходит из склепа бетонного,
запыленного, многооконного,
чтоб вернуться обратно бегом?
Но болит голова о другом.
Чьё-то сердце впотьмах перемолото
зряшным поиском жалкого золота.
А на утро - “вперед” и “кругом”.
Но болит голова о другом.
Вот создания нежные платьями
шелестят. Поспешить бы с объятьями.
Право, жаль оставлять на потом.
Но болит голова не о том.
Я бы жизнь эту жаркую встречную
обратил бы немедленно в вечную.

Дни бы били прозрачным ключом -
по башке, что болит ни о чём.

* * *

Вот достался мне звездной тьмы глоток.
Дней табун не виден на склоне лет.
Я покорно влился в людской поток,
Но поток течет, но меня в нем нет.
Тихо сходит снег и крошатся льды.
Во вселенском плане есть крах планет.
В разнотравье пышном стоят сады.
А меня как не было, так и нет.
Хоть и был и видел я все вокруг,
вечной правды пронзает внезапный свет,
словно вспышкой меня озаряет вдруг,
что меня как не было, так и нет:
слишком краткой вспышкой был сам, но
все ж
помню, речи, встречи, далекий бред.
По листве бежит дождевая дрожь,
а меня как не было, так и нет.

* * *

Я плыву, но берег когда наметится?
Быть у солнца вечного на виду.
Я забуду тех, с кем случилось
встретиться,
ибо так написано на роду.
Чем богата жизнь? Вся и состоит она
из того, что нам предстоит терять.
Вот глядишь, и море песками впитано,
и волна не в силах скалу обнять.
Будет ли беспечно, легко как некогда?
Ведь ударов сердца – наперечет.
Успеваешь крикнуть в сердцах, что
некогда,
устремясь туда, куда всех влечет.

* * *

Осилив зимнюю дорогу,
свет в дальнем храме заприметить.
Молчать, прислушиваясь к Богу.
Но обрести Его?! Но встретить?!
И оглашается пространство
молитвенною страстной речью:
к чему же Божье постоянство
разменивать на человечью
и временность, и скоротечность?
К чему пути земного пути?
И сквозь зимы густую млечность

летят печальные минуты.

* * *

От контор и трактиров,
где базар и раздрай,
пусть спасёт сиротливый
твой бревенчатый край.
Чья здесь тихая тайна
под киванье ветвей
по подсказке случайной
станет вдруг и твоей?
Скрыто что под резьбою
стен из ветхих деревьев:
примирённость с судьбою
или жизнь нараспев?
Тайн грядущих носитель,
строй высоких стволов -
нерождённых обитель,
шелест выше голов.
Может, миф, что покинуть
предстоит белый свет.
Не исчезнуть, не согнуть,
смерти, может быть, нет.
И сияют покуда
небеса, как броня,
проникаешься чудом
неизбывности дня.

* * *

Ночь в комариной коме. В доме
зарница - ниц упала. Кроме
неё - позарившийся на
звезду мой взгляд. Плывёт в проёме
окна - открытом водоёме -
кувшинка-облако. Ясна -
стерильна - жизнь, и небо чисто.
Высь - мыслей ветреная пристань, -
незримым дымом дней дыша,
не дремлет. И летит на приступ
упорной яви - мир пролистан -
неявным полная душа.

* * *

Брошь солнца, брошенная в реку.
Мне осень шлюпки листьев шлёт.
И облаков летящих млеко,
шепча, легчайший ветер пьёт.
Даль - притягательнее дома.

К стопам лениво волны льнут.
И небо томно смотрит в омут:
брошь солнца - брошенная - тут.
Простор речистый, безъязыкий
не спит, но сам источник снов.
Тускнеющим, пугливым бликам
тесны утёсы парусов.

* * *

По тихим заводям вечерним,
истыкан мачтами крестов
мой город утомлённо, мерно,
скользя под сводами мостов,
плывёт. По черепам прибрежных
каменной ступает молча ночь.
И клочья тучи ветер нежный
уносит прочь, уносит прочь...

* * *

По лестнице ветвей и сучьев
дождем спущусь я в этот лес,
из легкой мимолетной тучи
просыплюсь каплями с небес.
Упав с высот, ударюсь оземь
и стану странник прежних дней,
и осенью сырой и поздней
пойду бродить среди корней,
в земле переплетенных тайно,
и по пружинящему мху,
поняв, сколь призрачно-случайно
все, что вершится на веку.
Вдруг ощутив благую волю,
что освящает все пути,
пройти сквозь лес и выйти к полю
и стеблем в небо прорасти.

* * *

Прошло уже столько лет,
и что их весьма роднит,
так то, что лекарства нет -
все так же в груди саднит.
Как в склянке осядет соль
недвижным пластом на дне,
отложится так же боль
о каждом пропавшем дне.

* * *

Стали вдруг казаться лишними
наступающие дни.
Новой кровью (мнится - вишнями)
окропляются они.
Но покуда сам не в склепе я,
буду заново тонуть
в свежем летнем благолепии,
отхлебнув речную ртуть.

* * *

Снова сыщутся враги,
снова вырастут долги,
позовут еще не раз
на блины да пироги.
Будет гомон, шум в гостях,
спор о свежих новостях,
злободневный свежий вздор
или - пляска на костях.
Будет кто-то, сир и вдов,
гибнуть в гуле городов,
дни свои изжив насквозь,
не оставив и следов.
Праздность в свой черед и труд,
реже пряник, чаще кнут,
чаще буря, реже - тишь.
Что еще случится тут?
Стукнет по лбу, вдарит в лоб.
Будет люлька, будет гроб.
Будут рядышком лежать
умница и остолоп.
Будет вечный промельк дня.
Будет ссорится родня -
будет мир... И будет мне.
Будет все и без меня.

* * *

Стерты следы и размыты пути.
Окна, как прежде открытые в лето.
Выпорхни и налету подхвати
свежую порцию синего света.
Пусть же о бренности нашей бренчит
лета зеленый шальной колокольчик.
Нас по небесной дороге помчит
над изобильем оврагов и кочек.
Все позабыто и все прощено.
Что там внизу? Наши дни - горстка пыли.
Что из них будет нам возвращено,
давешним узникам призрачной были?

* * *

Всего лишь слово -
разъединимся.
Давай приснимся
друг другу снова,
и сон нашепчет,
что может случиться,
боязнь расстаться
нас свяжет крепче.
Как жить? В надежде:
все, что ни было -
то станет мило,
теплей, чем прежде,
нежней - до дрожи.
Сейчас ты возле
меня. И после -
так будет тоже.

* * *

Конечно, все будет кончено,
как будто, несясь окрест,
внезапно пролает гончая
и сгинет из здешних мест.
Все будет, увы, просрочено,
и письма пришлет назад
иль выбросит на обочину
единственный адресат.
Покамест же, как конвертики,
к нам сверху слетают дни.
Мы в пальцах беспечно вертим их,
не зная, на что они.
Нас небом и светом потчуют,
под шелест календаря
снабжая воздушною почтою, —
и, верится, что не зря.
И, может быть, посчастливится
однажды открыть конверт...
Открывший тот час поднимется
туда, где светло, наверх.

* * *

Вот снег на шепот перешел.
Видать, к весне. Но не скворечен,
ни трелей... Может хорошо,
что тишину наполнить нечем.
Вот разве голосом... Но он
молчаньем неба будет встречен.
Набросив тучи капюшон,
издалека крадется вечер.
Снижаясь, снежный порошок,

как время, вдруг незримым станет.
Но тельце циферблата ранят
мгновенья - за стежком стежок...

Набор текста авторский
Last update 16.01.2001